

Елена Владимировна Ничипорчик

“Лучше умереть, чем...”

О парадоксах предпочтения в паремиологических картинах мира

Данная статья представляет собой попытку поиска “языковых” подтверждений наличия некоторого единства в ценностном сознании представителей разных этносов. Это единство, обусловленное совпадениями в направленности человеческих устремлений, желаний и интересов (к какому бы народу человек ни принадлежал, какую бы религию ни исповедовал), определяется как общечеловеческие ценности. Необходимость поиска фактов, подтверждающих существование общечеловеческих ценностей, продиктована тем, что в философских кругах и поныне не утихают споры о правомерности признания феномена общечеловеческих ценностей, их природе, равно как и об онтологических характеристиках ценностей вообще¹. Своеобразным ключом к решению проблемы, на наш взгляд, является трактовка общечеловеческих ценностей как инвариантных сущностей, содержание которых “не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности” (Севостьянова 1998: 484).

Стоит ли отрицать то, что любой человек стремится быть членом общества, желает удовлетворить потребность в принадлежности к коллективу? Выбирая для себя такую направленность, человек вынужден принимать ценности социокультурной среды, так как они и являются консолидирующим началом любого общества (Выжлецов 2000). Интериоризованные личностью ценности социокультурной среды представляют то общее, что характерно для ценностного сознания других членов данной социокультурной среды, а значит, и то общее, что было воспринято от предыдущих поколений², и неизменно то общее, что свойственно всем людям и детерминировано биосоциальной природой человека. Это общее, не имеющее чётких границ, обладающее свойствами устойчивости и в то же время динамичности, способное выступать источником внутренних конфликтов либо, напротив, определять гармонию внутреннего мира человека, будет представлять разные уровни в диспозиционных

¹ См. критический обзор различных точек зрения по данным вопросам в Ефимов, Таланов 2010.

² Каким критическим ни было бы отношение к предшествующему опыту, этот опыт выступает основой для развития социокультурного бытия.

структурах сознания каждой отдельной личности³ и будет объединять средневекового человека, какими бы дикими нравами ни отличалось средневековое общество, и современного человека, поведение которого регулируется достигшими высокой степени развития социальными институтами⁴. “Ценности выступают сферой соприкосновения субъективного и объективного бытия, внутреннего и внешнего, единичного и всеобщего, и в этом заключено их субстанциональное значение” (Басва 2004: 64). Данное обстоятельство позволяет подходить к пониманию природы общечеловеческих ценностей диалектически.

Культура является той средой, в которой действуют универсальные механизмы, способствующие процессам интериоризации и экстериоризации ценностей, то есть средой, которая обеспечивает преемственность ценностей, их оригинальное воссоздание и даже творение заново (Абушенко 2001; Выжлецов 2000; Большаков 2000). Освоение индивидом ценностей культуры, детерминирующее развитие личности, опосредовано процессом общения (Выготский 1996). Специфическими проводниками культуры, в ряду других средств коммуникации, выступают паремии. Им свойственно отражать ценностные позиции своих продуцентов и быть своеобразным инструментом формирования ценностного сознания членов социума. Таким образом, паремии способны выступать фактической базой для анализа ценностного сознания представителей разных этнокультур.

Паремии определяются как “семиотические феномены”, сочетающие в себе качества единицы языковой системы и мини-текста (Савенкова 2002: 13). Иными словами, обладая воспроизводимостью, паремии реализуют неэлементарный смысл. Реализуемые паремиями смыслы в своей совокупности представляют когнитивную модель мира, называемую паремиологической картиной мира.

Паремиологическая картина мира⁵, которая может быть реконструирована на основании отражённых в паремиологических единицах знаний, специфична. Её своеобразие, детерминированное функциональной специализацией паремий, заключается в интерпретации мира через призму значимости. Это отчасти обуславливает и другие свойства паремиологической картины мира. Она отражает, с одной стороны, архаичные представления, с другой стороны – представления, не утрачивающие своей актуальности; отличается упорядоченностью, взаимосвязью своих фрагментов (ценностные понятия выступают в роли своеобразных аттракторов, формирующих фраг-

---

³ См. о доминировании тех или иных ценностей в коллективном и индивидуальном сознании в отдельные исторические периоды Большаков 2000.

⁴ Данное положение не исключает того, что всегда были и есть такие личности, группы личностей, которые пытались и пытаются поправить базовые человеческие ценности, но, если бы эти люди составляли большинство или выражали волю большинства, человеческий мир давно перестал бы существовать.

⁵ Подразумевается в данном случае любая этническая паремиологическая картина мира.

менты паремиологического пространства) и в то же время не лишена противоречий, сопряжений взаимоисключающих интерпретаций сущего (взаимоисключающих “видений” мира), обусловленных “на входе” (то есть при продуцировании паремий) многосторонним осмыслением ценного, нестабильностью человеческих приоритетов, “на выходе” (при расшифровке смысла паремий) ценностными установками интерпретаторов. “Растянность”, то есть неопределённость, значения⁶ паремиологических единиц вне контекста многократно подчёркивалась паремиологами; разнообразные метафоры и сравнения привлекались для того, чтобы отразить свойство паремий наполняться конкретным содержанием в непосредственных актах коммуникации и одновременно выступать знаками типичных житейских ситуаций, моделировать эти ситуации⁷: паремии – это шкатулки (Voggione 2007: XLIII), паремии – это трафареты (Барли 1984: 133), паремии подобны алгебраическим знакам (Потебня 1990) и др. Динамичная и постоянно обогащающаяся, паремиологическая картина мира, тем не менее, сохраняет в своих пределах всё многообразие интерпретаций мира, что и позволяет при анализе отражённых в содержании паремий ценностных приоритетов носителей культуры “снимать противопоставление синхронии и диахронии в той жёсткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр” (Алпатов 2013: 23).

В центре нашего исследовательского интереса оказались паремии, которые с точки зрения здравого смысла выявляют парадоксальное предпочтение⁸, а с точки зрения аксиологической логики – специализированное выражение негативного от-

⁶ Объяснение неопределённости, “растянутости” значений языковых единиц и детерминации этих значений контекстом находит отражение в работе Х. Вайриха (1987: 53).

⁷ О значении паремии как семантическом потенциале, обусловленности конкретного значения паремии контекстом, ситуацией см. Krikmann 1974: 5, 41; Obelkevich 1994: 218-219 и др.; о моделирующей функции паремий см. Пермяков 1975, 25; Аверина 2005, 17.

⁸ К презумпциям ценностных суждений, в соответствии с которыми строятся все общие суждения о предпочитаемости, по мнению Н.Д. Арутюновой (1999: 257), относится положение о том, что хорошее предпочитается плохому. “Все категории, оцениваемые положительно, – поясняет далее Арутюнова, предпочитают тем категориям, которые оцениваются отрицательно: добро злу, истина лжи, сила слабости, мир войне, польза вреду, здоровье болезни, молодость старости и т.п.” (*там же*). Однако, по наблюдениям этого же исследователя, а также других паремиологов, изучающих специфику логики-семиотической организации пословичных выражений (см. Пермяков 1978; Черкасский 1978), в паремиологическом своде любого языка можно встретить инвертированные суждения о предпочитаемости, то есть такие суждения, в основе которых лежит обратное соотношение ценностей. Н.Д. Арутюнова (1999: 252-253, 257) отмечает, что инвертирование ценностей может представлять сферу реальных альтернатив и являться следствием наложения дополнительных условий выбора на основное (как, например, в пословице “Добрая ссора лучше худого мира”), а может выходить за пределы реально сопоставляемых альтернатив (как в пословицах типа “Лучше умереть, чем неправду терпеть”), в силу того, что продуцент ценностного суждения намеренно сообщает о выборе по принципу “крайнего” зла, чтобы как можно категоричнее заявить о невозможности для себя определённого курса действий.

ношения к тому или иному злу: “Лепш памерці каля сябра, чым жыць у ворага” (гр); “Лучше семь раз гореть, чем один раз вдоветь” (н); “È meglio errar con molti ch’esser savio solo” (вм); “Besser ein leerer Beutel, als geborgtes Geld” (w). Парадоксальность утверждения, отражающего выбор по принципу инвертированного, “извращённого” предпочтения, рассматривается при этом как приём интенсификации оценочных смыслов (Арутюнова 1999: 252-253).

Если устанавливать причины обращения продуцентов паремий к такого рода структурно-семантической модели, то в качестве первой причины можно рассматривать то обстоятельство, что proverbialная модель, содержащая термин общей положительной оценки в компаративной форме, вообще очень продуктивна: в каждом из сопоставляемых паремиологических фондов количество паремий с восходящим общеоценочным компаративом представлено не одной сотней единиц.

Структура со значением предпочтения приобрела афористичность ещё в глубокой древности. И многие латинские выражения, представляющие данную структуру, получили вторую жизнь в иных лингвокультурах благодаря верности умозаключений и действенности самой формы, в которую эти умозаключения были облечены: “*Vona valetudo melior est quam maximae divitiae*” (кз); “*Melior est consulta tarditas, quam temeraria celeritas*” (кз); “*Patiare potius ipse, quam facias scelus*” (кз); “*Melius dictum quam amicum perdere*” (кз); “*Melior tutiorque est certa pax, quam sperata victoria*” (кз); “*Est avis in dextra melior quam quattuor extra*” (кз) и др.

Наличие паремий, в которых тем или иным образом реализуется значение превосходства одной вещи над другой, отмечается во многих языках мира. Более того, такие паремии, а именно выражения, в которых реализуются отношения “если р обладает каким-то (положительным) свойством, а q не обладает таким свойством, то р лучше, чем q”, известный российский паремиолог Г.Л. Пермяков выделяет в один из четырех логико-семиотических классов, охватывающих всё логическое разнообразие паремиологических единиц (Пермяков 1975: 28-29). Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые разноязычные паремии, в поверхностной структуре которых отмечаются формальные средства выражения значения предпочтения (общеоценочный компаратив), обнаруживают корреляции в содержательном аспекте. По данным словаря Д. Пацолая (РС), к примеру, идея, отражённая в паремии “Лучше синица в руке, чем журавль в небе”, нашла воплощение в 43 европейских языках (и не только европейских, в словаре приводятся также арабские, персидские, японские аналоги), причём в нескольких вариантных реализациях в каждой из лингвокультур и преимущественно в структурах с общеоценочным компаративом⁹. Паремия “Лучше поздно,

⁹ Это и есть тот случай, когда совокупность адекватных и синонимичных паремий со своими вариациями образует “гнездо”, или “тип”, выявление которого становится особенно наглядным, по определению Э.Я. Кокаре (1978: 27, 31), если модель поэтической структуры остаётся неизменной и взаимосвязь образов подчиняется единому принципу. Заметим, что “критерий поэтической структуры”, который применяет Э.Я. Кокаре для выявления посло-

чем никогда” имеет аналоги в 43 европейских языках, а также в китайском и японском; “Одна голова хороша, а две лучше того” – в 48 европейских языках, кроме того, в арабском, персидском, китайском и японском языках¹⁰. По-видимому, формула со значением предпочтения представляет собой одну из универсальных провербиальных формул, подтверждающую самим фактом своего широкого распространения и активного использования функциональную специализацию паремий, заключающуюся в осуществлении ориентации человека в ценностной картине мира.

Второй причиной, обуславливающей обращение продуцентов паремий к формуле “извращённого” предпочтения, является её высокая степень экспрессивности, проявляющаяся в подчёркнутой категоричности выражаемой ценностной позиции.

Определим, какие же ситуации оказались провокантами инвертированного предпочтения в сознании продуцентов паремий, к каким антиценностным сущностям они имеют отношение и в какой мере можно говорить о типичности ментальных заместителей этих ситуаций в различных паремиологических картинах мира.

Являясь знаками классов ситуаций, паремии имеют более сложную структуру значения, чем словесные знаки. Соответственно когнитивная структура паремии как структура знания, отражённого в её содержательных аспектах, также сложна и характеризуется взаимодействием различных по своему объёму и соотносимых с разными уровнями семантической организации паремии “квантов” знания¹¹. По этой причине

вичных типов, – это по сути, в терминах когнитивной лингвистики, критерий когнитивной структуры (или когнитемы), рассматриваемой на той ступени кодирования информации и, соответственно, той ступени абстрагирования в представлении семантики пословицы, на которой исследователь оперирует, по А.Е. Михневичу (1976), “селективными” (семантико-синтаксическими, понятийными) категориями, отражающими функционально релевантные дифференциальные признаки лексических единиц.

¹⁰ Аналоги в не европейских языках свидетельствуют о том, что генетическое родство паремий в этом случае исключается, чего нельзя сказать с достаточной степенью уверенности о европейских коррелятах, учитывая то обстоятельство, что все три рассмотренные нами провербиальные идеи воплощены в древних латинских выражениях. Вообще определение происхождения паремий – невероятно сложная задача. “Попытка установить, каким нациям принадлежит отцовство того или иного изречения, – дело столь же бесполезное, напрасное, как и попытка выяснить его автора”, – отмечает А. Артабер и далее поясняет: “Греки заимствовали паремии с Древнего Востока, затем передавали их римлянам, от римлян паремии перекочевали во все языки западного мира, в особенности благодаря труду Эразма: в своём *Адажио* он перевёл на позднюю латынь многие греческие и латинские паремии, которые затем распространились по всей Европе и превратились в национальные варианты” (Arthaber 1995: 11, 13).

¹¹ В современных исследованиях паремий с позиций когнитивной лингвистики так или иначе находит отражение трактовка значения высказывания как иерархически организованной системы, каждый из уровней которой являет собой определённую ступень абстракции в представлении содержания языковой/речевой единицы. Этим отчасти объясняется корреляция понятий, стоящих за терминами, используемыми в традиционных семантических описаниях, и терминами, используемыми когнитологами при описании “пословичного со-

при описании когнитивных структур паремий обычно обращаются к разного рода мыслительным конструктам¹², в том числе и к реконструируемым на основе анализа семантического пространства одной или нескольких паремий единицам знания пропозиционального характера – “когнитемам”¹³. В когнитивную структуру общих суждений о предпочитаемости с обратным соотношением ценностей входят две ключевые когнитемы, одна из них представляет структуру знания о ситуации-провоканте “извращённого” предпочтения, другая – о предпочитаемой ситуации. Соответствующие ситуациям-провокантам когнитемы могут быть сгруппированы с учётом того, какая именно понятийная категория осмысливается как антиценностная, то есть как антипод ценности, утверждаемой паремией в целом.

К числу общих антиценностных сущностей, порождающих крайне негативное отношение, выражаемое формулой “извращённого” предпочтения в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиологических единицах (по данным картотеки, составленной на материале нескольких словарей в каждом из языков)¹⁴, относятся глупость, бесчестие, воровство, ложь, злой нрав, неволя, нищета, несправедливость и др.

держательного пространства” (Иванова 2006: 64). Например, Т.С. Зевахина (2002) считает целесообразным различать в когнитивной структуре паремии образный фрейм, показывающий структуру исходного ситуационного образа и задающий класс “стереотипных ситуаций”, окказиональные фреймы, отражающие структуру случаев конкретных ситуаций, и обобщенный фрейм, структурирующий абстрактные знания о классе стереотипных ситуаций. Аналогичным является представление коммуникативно-дискурсивной модели паремии в работе О.Б. Абакумовой (2013). Исследователь предлагает различать образный фрейм (денотат пословицы – ситуацию, действительно имевшую когда-то место и представленную во внутренней форме паремии), обобщённый фрейм (сигнификат пословицы или обобщённое значение) и смысл пословицы как выводное знание (*там же*: 24).

¹² См., к примеру, “логемы” (Савенкова 2002), “семантический конденсат” (Селиверстова 2005), “когнитемы-значения”, “когнитемы-ассоциативные связи”, “когнитемы-сценарии” (Иванова 2006).

¹³ Термин Е.В. Ивановой (2006). Целесообразность введения термина “когнитема” в аппарат паремиологических исследований Е.В. Иванова (2006: 86, 98-99) объясняет двумя причинами: первая – рациональность использования единого термина для обозначения разных по объёму и характеру единиц знания, соответствующих компонентам значений или значениям (обобщённому или буквальному), выделяемым на разных уровнях (включая прагматико-когнитивный подуровень) семантической организации пословицы/нескольких пословиц, вторая причина – обозначение меньшей по объёму единицы знания/единицы плана содержания, чем когнитивная структура паремии/семантика всей языковой единицы при рассмотрении её на том или ином уровне. Данный термин, таким образом, позволяет согласовать когнитивный подход к описанию семантики пословиц и традиционный, так как когнитема трактуется и как единица знания (ментальный конструкт), и как единица содержательного плана, существующая в вербальной упаковке (*там же*: 99).

¹⁴ См. Словари. Каждая паремия, приводимая в статье, снабжается индексом, указывающим на источник.

Если мы обратимся к паремиям, смысл которых заключается в выражении негативного отношения к глупости в формуле “извращённого” предпочтения, то обнаружим соответствие не только их логико-синтаксической организации, но и когнитивным, представляющих когнитивную структуру паремий на уровне обобщённого значения¹⁵. Любым ситуациям, в том числе по логике вещей выигрышным, одним из участников которых мыслится глупый человек, предпочитают пресуппозитивно проигрышные ситуации, ущербность которых компенсируется наличием разумного человека: “Лепі з разумным згубіць, як з дурным знайсці” (ак); “Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю” (мн); “Лучше с умным потерять, чем с глупым найти” (мн); “Meglio avere un nemico intelligente che un amico sciocco” (вм); “Besser der Weisen Schelten hören, als der Narren Gesang” (w); “Besser ein vernünftiger Feind als ein dummer Freund” (w). В компонентном составе всех этих паремий отмечаются имена носителей интеллектуальных признаков, а также средства (аналитические либо синтетические формы) выражения пропозиционального значения соучастия/совместности. Эти константные структурные элементы и позволяют реконструировать общие для когнитивного сознания носителей разных культур мыслительные структуры, свидетельствующие о совпадении стереотипов восприятия и интерпретации мира.

Крайне негативное отношение к глупости находит выражение в паремиях, представляющих и иные когнитивные, соотносимые с ситуациями, мыслимыми как предпочтительные: “лучше крайне трудное дело, чем совместное с глупцом дело” – “Лепей ніткі разблытваць, чым з дурнем за справу брацца” (ян); “лучше претерпеть большее зло, чем малое, но исходящее от глупца” – “Meglio calcio di cavallo che non calcio d’asino” (вм). Очевидно, что при различии вербальных “упаковок” квантов знания, несовпадении когнитивного уровня внутренней формы смысловое соответствие паремий позволяет рассматривать их как тождественные с точки зрения отражённых в них предельных смыслов, объективирующих ценностные позиции продуцентов паремий: “ум – это хорошо, глупость – крайне плохо”, “к уму стремись, от глупости отстраняйся”. Общность или различие языковых репрезентаций этих смыслов, как показали наши наблюдения, может устанавливаться с различной степенью абстрагирования в представлении семантики паремий.

Во всех языках, кроме белорусского, в паремиях обнаруживается крайне негативная оценка бесчестия в форме суждения инвертированного предпочтения, имеющая очевидные латинские корни: “Improba vita mors optabilior” (sc): “Лучше смерть, чем позорный живот” (мн); “Лучше смерть, нежели позор” (мн); “Лучше глаза лишиться, чем доброго имени” (мн); “Meglio è assai morte onorata, che una vita svergognata” (sc); “È meglio morire con onore che vivere con vergogna” (вм); “È meglio morire in piedi che vivere inchinato” (вм); “Meglio una sassata nella testa che una ferita

¹⁵ Вслед за Е.В. Ивановой (2006: 101) мы дифференцируем когнитивные обобщённого значения (когнитивные “уровня значения”) и когнитивные внутренней формы (когнитивные “уровня внутренней формы”).

nell'onore" (вм); "Besser ehrlich gestorben als schändlich verdorben" (s); "Besser ehrlich gestorben, als schändlich gelebt" (w); "Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre" (w). Отсутствие в белорусском языке паремий со структурой предпочтения аналогичного содержания¹⁶ не означает, конечно, что понятие чести не является ценностным для продуцентов белорусских паремий. Хотя паремиологическая зона концепта¹⁷ "чэсць" оказывается уже по содержанию, чем, к примеру, паремиологическая зона концепта "честь" в русском языке (слово "чэсць" в белорусских паремиях используется не во всех своих словарных значениях, а только в значении "уважение, почтение, почёт", а также "целомудрие, непорочность": "Якая на свінні шэрсць, такая ёй і чэсць" (гр); "Бабе бабская й чэсць" (гр); "Які госць, такая яму чэсць" (гр); "Благая чэсць, калі нечага есць" (гр); "Будзе чэсць, калі грошы есць" (гр); "Чэсць дзявочае шчасце беражэ" (гр); ср. "Береги честь смолоду, а здоровье к старости" (мн); "Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай" (мн); "И честь не в честь, коли нечего есть" (мн); "Всего дороже честь святая да изба крытая" (мн) – слово "честь" в русских паремиях используется также в значениях: "незапятнанная репутация, доброе имя", "совесть", "нравственное достоинство"), анализ паремий белорусского языка, не имеющих в своём составе компонента "чэсць", показывает, что и продуценты белорусских паремий при оценке поведения человека опираются на некоторые мерилы моральных качеств человека, которые могут быть интегрированы в понятие "честь" (см., к примеру: "Ад добрага не ўцякай і благага не рабі" [гр]; "Салому еш, а дзяржы хвост пісталетам" [гр]; "Прад дужым не гніся, над слабым не глуміся" [гр] и др.).

Не нужно полагать, однако, что, выражая столь категорично ценностное отношение к чести, человек не совершает предосудительных поступков и не ищет им оправданий; см., к примеру, паремии "Стыд не дым – вачэй (вочы) не выкура" (гр); "Сорам не ёлка – вачам не колка" (гр); "Маючы стыд, не будзеш сыт" (гр); "Стыд не дым: глаз не выест" (мн); "Без стыда лица не износишь, как платья без пятна" (мн); "Потеряй стыд – дак будзеш сыт" (мн); "Chi è vergognoso, vada straccioso" (вм); "La gallina vergognosa va a dormire col gozzo vuoto" (вм); "Il frate vergognoso porta le bisacce vuote" (вм); "Besser a Schand in Punim (Gesicht) eider (als) a Kränck (Krankheit, Schmerz) in Bauch" (w); "Bei Ehre ohne Brot leidet der Magen Noth" (w). Подобного рода пословицы, оправдывающие человеческие прегрешения, возможно, и не существовали бы, если бы человек, нарушая морально-этические нормы, не ощущал конфликта, исходящего от знания нормы и понимания того, что эта норма и выступает действительным ценностным ориентиром в обществе. О том, что нормы морали, хотя и являются стимулом различных эвалюативных процессов, все же осмысляются

¹⁶ Мы можем приходить к такому выводу, опираясь лишь на доступные для нас сборники белорусских пословиц и поговорок, которые невелики по объёму.

¹⁷ Паремиологическая зона того или иного концепта реконструируется на основании содержания всех паремий, представляющих тот или иной национальный паремиологический фонд (Попова, Стернин 2007).

человеком как ценностные ориентиры, то есть “пережитый опыт”, дающий рефлекс (в данном случае коммуникативные рефлексы) в соответствии с вмняемой направленностью, свидетельствует наличие в каждом из анализируемых нами proverbiallyных фондов паремий, осуждающих тех, кто утратил совесть и стыд, а также паремий, призывающих блюсти честь, приписывающих чести наивысшую значимость: “Бессаромнаму плюй у вочы, а ён кажа: ‘Дождж ідзе’” (ГР); “Ні бога не баіцца, ні людзей не стыдзіцца” (ГР); “Паганых ачоў і сорам не бярэ” (ГР); “У бесстыжэго стыда нет” (МН); “Где стыда нет, тут и чести нет” (МН); “Не знаеш чести, так палок двести” (МН); “Не теряй честь за бесчестье” (МН); “Chi non ha coscienza, non ha vergognan é scienza” (ВМ); “È meglio onore che boccone” (ВМ); “Non pesa l’oro e nemmeno il piombo: pesa più l’onore che tutto il mondo” (ВМ); “Dove non è vergogna, manca virtù e onore” (SC); “Wo keine Ehre ist, da ist auch keine Schande” (ВВ); “Ehr’ verlohren, alles verlohren” (W); “Die Ehre wird nicht begraben” (W); “Ehr ist der Menschen höchste Zier” (W). Ситуация поистине парадоксальная: человек воспринимает ценность как ориентир, стремится сам и призывает других соответствовать образцу, однако действительность заставляет человека вновь и вновь “примерять” эту ценность к обстоятельствам и изменять своим же убеждениям.

Совпадение ассоциативных представлений, поэтических мотивов, проявляющееся в семантической корреляции поверхностных структур белорусских, русских, итальянских и немецких паремий, представляющих инвертированные суждения о ценностях, – достаточно редкое, но неисключительное явление. Эти совпадения могут являться свидетельством восприятия тем или иным этническим сознанием “чужих” когнитивом, что происходит при заимствовании паремиологических выражений; совпадения могут выявлять и факты полигенеза – независимого от межэтнических культурных контактов возникновения одинаковых по значению и образности словесных выражений в разных языках (Мидер 1193: 174). Так, все разноязычные паремии, в которых провокатором инвертированного предпочтения мыслится воровство, при совпадении когнитивом уровня значения характеризуются различием когнитивом уровня внутренней формы: “Лепі насіць латаная, як хватаная” (АК); “Лучше по миру собирать, чем чужое брать” (МН); “Лучше по смерти недругу оставить, нежели живому кого грабить” (МН); “Meglio far la puttana e non il ladro” (ВМ); “Besser die Hand in einem Kuhfladen, als in fremdem Gelde” (W)¹⁸. Паремии же, в которых прослеживается идея предпочтения “своего” плохого “чужому” хорошему, наряду с различиями значений, реализуемых поверхностными структурами (ср. “Лепі свае лапці, як чужыя боты” [АК]; “Лепі лічыць свае вошы, як чужыя грошы” [АК]; “Лучше своя свечка, чем

¹⁸ Такое разнообразие когнитивом уровня внутренней формы становится особо примечательным в связи с тем, что мотив предпочтения малого, добытого честным путём, большему, добытому неправедным путём, обнаруживается в библейских текстах (см. Прит. 16:8), а многие библейские истины, как известно, обрели proverbiallyную форму в лингвокультурах народов, исповедующих христианскую религию.

чужая печка” [ж]; “Своя мазанка лучше чужой светлицы” [мн]; “Лучше ехать на своих дровнях, чем на чужих санях” [ан]; “È meglio una sessola da soli che una barca in comune” [вм]; “Meglio il suo abbaruffato che quel d’altri assettato” [кн]), обнаруживают и тождество когнитивной, лежащих в основе моделирования поверхностной структуры. В частности, общей для разноязычных паремий, представляющих анализируемую когнитивную модель, стала когнитивная “потребление в пищу своего”: “Лепей свой посуны праснак, як чужое сало” (ян); “Лепша свая лежня за чужую калбасу” (гр); “Свой сухарь лучше чужих пирогов”; “Лучше свой кусок, чем чужой пирог” (мн); “È meglio pane e aglio in casa nostra che lesso e arrosto in casa d’altri” (кн); “È meglio pane e cipolla a casa propria che pizza dolce a casa d’altri” (вм); “Besser eigen Brot als fremder Braten (w); Besser trocknes Brot daheim als draussen Semmel mit Honigseim” (w). Учитывая, что в латинской лингвокультуре, оказавшей значительное влияние на другие лингвокультуры, существовало выражение “Est proprius panis semper omnia mella suavis” (г), наличие паремий с данной когнитивной, реализованной в структуре предпочтения, в других европейских языках может быть объяснено и генетическим родством этих паремий (ср., к примеру, в английском – “Dry bread at home is better than roast meat abroad” [г], французском – “Pain acquis avec sueur est plus chéri que tartes et roti” [г]). Но даже в случае восхождения данных паремий к древнему латинскому изречению восприятие этого выражения и его творческая переработка¹⁹ представителями иных культур свидетельствует не о заимствовании ценностных установок того или иного этноса, а всего лишь об их совпадениях.

В паремиях со значением “извращённого” предпочтения порицается также ложь, сквернословие, наущничество, двуличность и др.: “Як брыдкае слова сказаць, лепш язык выплюнуць” (ян); “Лучше нищий правдивый, чем тысячник лживый” (мн); “Лучше умереть, чем неправду терпеть” (мн); “È meglio gelare nella nuda camera della verità, che crogiolarsi nella pelliccia della menzogna” (кн); “Meglio tagliarsi la lingua, che dire male del prossimo” (вм); “È meglio morire, che ridere” (вм); “Besser in Dorn und Disteln baden als mit falschen Zungen sein beladen” (s); “Besser offener Feind als zweideutiger Freund” (s). Правда, паремии, в которых негативное отношение к той или иной антиценностной категории (из ряда категорий, названных нами выше) нашло выражение в формуле предпочтения, принадлежат разным паремиологическим фондам и исчисляются единицами. Но это не означает, что данные категории не осмысляются как антиценностные представителями каждого из этносов – просто осмысление осуществляется с привлечением иных когнитивных и, соответственно, языковых структур: “Агарствам шмат не скарыстаеш” (гр); “Праўду пахаваеш і сам з ямы не вылезеш”

¹⁹ В.П. Аникин (1996: 370) считает, что заимствование той или иной пословицы может сопровождаться её многократными устными переработками, результатом которых может быть появление пословицы, не отличимой от исконных выражений ни структурно-семантическими, ни образными свойствами, см., к примеру, белорусскую пословицу “Чым за морам віно піць, лепей з Нёмана вадзіцу” (ак).

(гр); “Крышыць буракі на воба бакі” (гр); “Эта спанча на оба плеча” (мн); “Одному богу молится, а другому кланяется” (мн); “Всем богам по сапогам” (мн); “A parole lorde, orecchie sorde” (вм); “Le parole disoneste vanno attorno come la peste” (вм); “Fluchen läutet dem Teufel zur Messe” (w); “Wer flucht, betet zum Teufel” (w).

Примем во внимание, что в proverbialных фондах не исключается наличие паремий, в которых может выражаться и иное, противоположное, отношение к данным антиценностным категориям²⁰. Особенно выделяется в этом плане ложь. В словаре итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио различные оценочные характеристики лжи отражены в наименованиях отдельных тематических рубрик IX.25.1.1. *Valore della verità; natura e vantaggi della sincerità, svantaggi e pericoli della menzogna*; IX.25.1.3. *Sgradevolezza della verità; diffusione, attrattive e vantaggi della menzogna*. Аналогичные обозначенным в наименованиях данных рубрик смыслы, касающиеся оценок лжи, нашли отражение также в белорусских, русских и немецких паремиях. Поражает при сопоставлении паремий всех четырёх языков о лжи и обмане наличие значительного количества аналогов и даже эквивалентных единиц: “Абманіў – то сабе горш зрабіў” (гр); “Лгарствам недалёка зайдзеш” (гр); “Хто раз салжэ, таму тройчы не павераць” (гр); “Хто лжэць, тэі і крадзец” (гр); “Хто лже, той вісіць” (гр); “Лгаць, дак людзей абягаць” (гр); “Не ўкраўшы, не лгаўшы, жыць трудна” (гр); “Праўдай жыць – дабра не нажыць” (кс); “Что лживо, то и гнило” (мн); “Солжешь сегодня, не поверят и завтра” (мн); “Кто лжёт, тот и крадёт” (мн); “Раз солгал, а на век лгуном стал” (мн); “У лжи короткие ножки” (мн); “Ложь на тараканьих ножках ходит” (мн); “Лучше горькая правда, чем красивая (сладкая) ложь” (мн); “Всяк человек ложь – и мы тож” (д); “Не соврешь, и зубу не набьешь” (д); “Живут же люди неправдой – и нам не лопнуть стать”

²⁰ Амбивалентность выражаемых в паремиях оценок подмечена паремиологами давно, известны и многочисленные объяснения этой амбивалентности. Составители уникального тематического собрания итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массорбио (см. вм) пошли дальше: сгруппировав паремии в соответствии с реализуемыми ими предельными смыслами и обозначив в названиях тематических разделов и подразделов эти смыслы, авторы словаря дают возможность читателю убедиться в том, что практически любая категория, характеризующая тем или иным образом человека, может быть осмыслена как положительно, так и отрицательно. Мы судим об этом по тому, что при передаче смыслов паремий, связанных с выражением ценностного отношения к той или иной категории, в наименованиях рубрик используются формулировки “giudizi positivi” и “giudizi negativi” (например, VI.7.5.1. *Valore del perdono, giudizi negativi sulla vendetta* и VI.7.5.3. *Naturalità del vendicarsi, giudizi positivi sulla vendetta*), “vantaggi” и “svantaggi” (IX.23.2. *Vantaggi della saggezza, svantaggi della stoltezza e della follia; giudizi negativi in genere sulla stoltezza e sulla follia* и IX.23.3. *Svantaggi della saggezza, vantaggi della ingenuità, della stoltezza e della follia*), “valutazioni positive” и “valutazioni negative”, “effetti positivi” и “effetti negativi” и многое другое, что свидетельствует и о многостороннем осмыслении ценности человеком, и о конфликтах в диспозиционных структурах его сознания, и о поиске некоего компромисса в переживании ценностных отношений, обнаруживающих зависимость от изменчивых жизненных обстоятельств.

(МН); “На правде далеко не уедешь: либо затынешься, либо надорвешься” (Д); “Сладкая ложь лучше горькой правды” (МН); “Умная ложь лучше глупой правды” (МН); “Chi per bugiardo è conosciuto, anche se dice il ver, non è creduto” (ВМ); “Bugia disvia da sé compagnia” (ВМ); “Chi è bugiardo è ladro” (ВМ); “Le bugie e gl’imbrogli rovinano le case” (ВМ); “Colle bugie si campa” (ВМ); “La menzogna dove bisogna” (ВМ); “Chi dice la verità, è sempre mal guardato” (ВМ); “È meglio una pietosa bugia che una cruda verità” (ВМ); “Una bugia ben detta val più d’una verità” (ВМ); “Lügen haben kurze Beine” (WT)²¹; “Lügen haben keine Beine (Fersen, Füße, Spur)” (WT); “Wer einmal gelogen hat, dem glaubt man nicht mehr” (W); “Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht, und wenn er auch die Wahrheit spricht” (W); “Wer einmal gelogen hat, ist immer ein Lügner” (W); “Erst lügen, dann betrügen und stehlen” (W); “Wer gern leugt, der stilt auch gern” (W); “Wer lügt, der stiehlt, wer stiehlt, der hängt” (W); “Es kommt ihm auf eine süsse Lüge nicht an, wenn die Wahrheit bitter ist” (W); “Besser eine Lüge die heilt, als eine Wahrheit, die verwundet” (W).

Провокантом “извращённого” предпочтения может выступать неудачная семейная жизнь, при этом корнем зла чаще всего мыслится тот или иной порок одного из супругов, а именно лень, злой нрав, скандальность и др. Общей для белорусской и немецкой паремий со значением “извращённого” предпочтения стала, например, когнитивная “супружеская жизнь с ленивым человеком”. В белорусской паремии жизни с ленивым мужем предпочитается смерть “З гультаём пажаницца – лепей задавицца” (ЯН) (ср. “È meglio avere il culo nella vrasa (brace), che un marito dentro casa” [ВМ]), а в немецкой – жизни с ленивой женой предпочитается жизнь со злой женой “Besser ein bö’s Weib als ein faules” (W), то есть в ценностном сознании немцев лень ещё хуже, чем злой нрав супругов. В русской и итальянской паремиологических картинах мира злой нрав жен тоже осмысливается по включению в когнитивную структуру “извращённого” предпочтения, правда, когнитивная “супружеская жизнь со злой (плохой) женой” неизменно соотносится не с предпочитаемой ситуацией, а с ситуацией-провокантом “извращённого” предпочтения: “Лучше жить со змеёю, чем со злою женою” (МН); “Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою” (МН); “Лучше камень долбить, нежели злою жену учить” (МН); “Meglio impiccato che male ammogliato” (ВМ); “È meglio abitare con le fiere nelle spelonche, che avere in casa una femmina litigiosa” (ВМ); “Meglio avere a fare col diavolo che colla donna” (ВМ); “È meglio avere la cura di un sacco di pulci che d’una donna” (ВМ).

Примечательно, что наибольшее количество паремий, представляющих когнитивные структуры “извращённого” предпочтения, в которых речь идёт о неудачной,

²¹ По данным немецко-русского словаря пословиц Н. Вальтера (см. WT), эта паремия, равно как и другая паремия о негативных характеристиках лжи “Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht, und wenn er auch die Wahrheit spricht” (восходящая к басне Эзопа), имеет значительное количество эквивалентов в европейских языках: польском, чешском, словацком, словенском, английском, нидерландском, шведском, датском, французском, испанском и др. К. Вандер отмечает наличие аналогов паремии “Wer einmal gelogen hat, dem glaubt man nicht mehr” не только в европейских языках, но и в китайском языке (см. W).

несчастливой супружеской жизни, обнаруживается в белорусском паремийнике. Это паремии преимущественно с феминной маркировкой (то есть предположительно с феминным авторством)²². В содержании этих паремий нашли отражение когнитивные “супружеская жизнь с плохим мужем”, “супружеская жизнь с нелюбимым”, и, соответственно, как антиценностные сущности, провоцирующие “извращённое” предпочтение, мыслятся негативные “функциональные” качества супруга²³ либо отсутствие любви: “Лепей бы мяне матачка пахавала, чым за такую куццю замуж аддавала” (КС); “Лепей у пяску гніць, чым з нялюбим жыць” (КС); “Лепей у зямельцы гніць, чым з нялюбим жыць” (ЯН); “Лепей горкую рэдзьку есці, як з нялюбим за стол сесці” (ЯН); “Лепей чэмер піці, як з нялюбим жытку жыці” (ЯН). В русском и итальянском паремийниках зафиксированы пословицы аналогичной когнитивной структуры, однако с иными, чем в белорусских паремиях, когнитивными, соотносимыми с предпочитаемым: “Лучше в девицах пробить, чем за нелюбимым мужем быть” (Ж); “Meglio zitella che mal maritata” (ВМ); “Meglio è vedova sedere, che essere maritata e male avere” (ВМ); “Meglio niente che un cattivo marito” (ВМ). На фоне таких паремий “парадоксальным”, но, как мы уже выяснили, лишь формально, является наличие в тех же proverbially-ных фондах выражений: “Хоць худое, да ўдвое” (ГР); “Хоць які цяляпей, але ўдваіх ляпей” (ГР); “Худ мой Устим, да лучше с ним” (МН); “Худ мой мужилка, а завалюсь за него – не боюсь никого” (МН); “Meglio mal maritata che zitella” (ВМ); “Meglio avere un cattivo marito che un legno di fico” (ВМ); “Senza il pastore non va la pecora” (ВМ).

Отмечаются паремии со значением “извращённого” предпочтения о неудачном браке и с маскулинной маркировкой: “Лепш згніць, чым з такою бабай жыць” (КС); “Лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться” (как вариант “Лучше на убогой жениться, чем век с богатой волочиться”) (Д); “Besser mit einem armen Weibe trocken Brot essen, als es bei einer reichen mit Zankbutter streichen” (W). Матримониальные коллизии, отражаемые русской и немецкой паремиями со значением инвертированного предпочтения (по-видимому, генетически связанными между собой), сведены к выбору между жизнью с богатой супругой и жизнью с убогой в пользу супружества с убогой, что представляется альтернативой, по замечанию Н.Д. Арутюновой, реализуемой, скорее, в художественном, чем в действительном мире (Арутюнова 1999: 251). Однако по своей сути данная альтернатива является выражением

²² См. об этом подробнее Ничипорчик 2010.

²³ По мнению Н.Д. Арутюновой, смысловый объем общеоценочных слов (“хороший”, “плохой”), характеризующихся дескриптивной опустошенностью, зависит от того, какие именно объекты подвергаются оценке, каким является стандартный набор признаков, определяющих норму в то или иное время оценки (см. об этом подробнее в Арутюнова 1999: 200-204). В этом смысле объем содержания прилагательного “плохой” в сочетании с именем “муж” вне ситуации оценивания может быть определён лишь в самых общих чертах и по фиксированному аспекту оценки, а именно функциям, которые надлежит выполнять мужчине в связи с социальной ролью мужа.

вполне определённого ценностного отношения к доброму и злему нраву жён: лучше жена с добрым нравом, чем жена со злым нравом. Примечательно, что наряду с таким решением проблемы выбора предлагается и контрастное ему в плане оценки злого нрава жён предпочтение, правда, в другого рода связях и отношениях: “Besser ein böses Weib, als eine schmutzige Magd” (w); “Besser mit einem bösen Weib in der Ehe gelebt, denn mit einer frommen Hure in Unzucht” (w). Подобные поговорки не являются проявлением так называемых двойных стандартов, это ценностные суждения, в которых одно “крайнее” зло становится мерилем другого “крайнего” зла, представляющего совершенно иной род альтернатив: в данном случае не выбор между добрым и злым нравом, а выбор между наличием и отсутствием супруги.

Получает оценку в структурах инвертированного предпочтения жизнь в неволе, на чужбине, в нищете, вообще худая, злая жизнь. Характерно, что в анализируемых пословичных картинах мира предпочитаемой альтернативой такой жизни выступает в большинстве случаев смерть: “Лепей смерць на полі, чым мукі ў няволі” (ян); “Лепш памерці каля сябра, чым жыць у ворага” (г); “Лепей гніць у магіле, чым жыць у чужыне” (г); “Часам лепш памерці, як гэтак жыць” (кс); “Як так жыць – лепш гніць” (кс); “Лучше умереть, чем рабство терпеть” (мн); “Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть” (д); “Лучше смерть, чем зол живот” (мн); “Чем жить да век плакать, лучше спеть да умереть” (мн); “Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть” (д); “Meglio morire che vivere schiavo” (кн); “È meglio puzzare di morto che di povero” (вм); “È meglio puzzar di porco, che di povero” (вм); “È meglio morire impiccati che per miseria” (вм); “Meglio è morire che sempre languire” (вм); “Soldatentod ist besser als Bettelbrot” (s); “Besser auf einmal todt, als allzeit schweben in Noth” (w). Многие из данных поговорок в настоящее время воспринимаются как архаичные, некоторые являются даже искусственными²⁴, однако мы не можем игнорировать их фиксации в поговорочных собраниях, во-первых, потому что они выявляются на фоне аналогичных по содержанию поговорок, во-вторых, их актуальность/неактуальность находится в зависимости от актуальности/неактуальности тех категорий, которые явно или неявно представлены в содержании данных поговорок и мыслятся как объекты ценностного отношения²⁵.

²⁴ Мы имеем в виду советизмы – искусственно созданные в советскую эпоху и включённые в сборники пословиц и поговорок выражения. Такими выражениями в числе приведённых поговорок являются: “Лепей смерць на полі, чым мукі ў няволі; Лучше умереть, чем рабство терпеть”. Проблема “искусственности” поговорочных выражений вообще требует специального изучения, особенно в связи с созданием так называемых антипословиц. Осмысление же ценностных категорий в поговорах или же антипословицах, с каких бы ценностных позиций оно ни осуществлялось, не “перечёркивает” самой значимости данных категорий (см. об этом подробнее Ничипорчик 2007).

²⁵ Философы и социологи утверждают, что проблема ценностей становится особенно актуальной в переломные моменты развития общества. В периоды катаклизмов, кризисов и иных социальных потрясений прежде всего “проходят проверку на прочность” общечеловеческие ценности (Севостьянова 1998: 484; Федосова 2009: 75-76).

Одной из причин жизненных разочарований и конфликтов в диспозиционной структуре сознания человека является несправедливость. Во всех четырёх языках отмечаются поговорки, в которых соотносится с крайним негативом всё, что связано с несправедливостью (как правило, ассоциируемой с судебными тяжбами): “Лепш утапіцца, чым судзіцца” (КС); “Лепш сваім паступіцца, чым судзіцца” (Г); “Лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить” (А); “Лучше самому терпеть, чем других обижать” (А); “Meglio assolvere un peccatore che dannare un giusto” (ВМ); “Meglio dieci colpevoli a spasso che un innocente in prigione” (ВМ); “È meglio partire ingiuria che farla” (ВМ); “Es ist besser stehlen als zeihen” (S); “Besser zehn Schuldige lossprechen als einen Unschuldigen verdammen” (S). Среди данных поговорок есть и эквивалентные единицы, тождественность поверхностных структур которых указывает на заимствование; “приживаемость” таких поговорок в иной социокультурной среде может быть объяснена только наличием совпадений в ценностно-мотивационных структурах сознания представителей разных этносов.

Таким образом, обращение к разноязычным поговоркам позволяет убедиться в типичности когнитивных структур, которые лежат в основе формирования предельных смыслов поговорок и выявляют тождественные для разных этносов ценностные установки. Очевидно, что решение вопроса о причинах содержательных корреляций разноязычных поговорок не может быть сведено к поиску исходного провербиального выражения, ставшего источником тиражируемой впоследствии идеи, хотя в некоторых случаях это и приводит к положительным результатам. Причину содержательной корреляции поговорок нужно усматривать в наличии стереотипов в восприятии и интерпретации мира человеком, в схожести проблем, которые приходится решать людям разных национальностей, и, наконец, в общечеловеческой значимости категорий, многократно и многообразно осмысляемых в провербиальных единицах.

Ценностные отношения, в которых и объективируются ценности, не являются застывшими: они изменчивы в силу постоянно возникающих конфликтов в ценностном сознании человека, детерминированных множеством внешних обстоятельств. Поговорки отражают эту особенность ценностных отношений. Анализ небольших фрагментов провербиальных пространств, проливающий свет на принципы, лежащие в основе моделирования паремиологических картин мира в целом, показывает, что та или иная ценность в том или ином этнокультурном пространстве может осмысляться как сущность, обладающая противоположными эвалюативными значениями, но, несмотря на это, сохраняться в сознании коллектива как некий инвариант значимости, выступая вновь и вновь источником эвалюативных процессов.

Сокращения

- АК: А. Аксамітаў, *Прыказкі і прымаўкі, Тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з арх., кафедра збораў, рэд. выд. XIX і XX стст.*, Мінск 2002.
- Г: Н.А. Ганчарова, І.М. Шчарбакова, Л.Г. Калядка *и др.*, *Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў*, под ред. Н.А. Ганчаровай, Мінск 1993.
- ГР: М. Грынблат, *Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах*, под ред. А.С. Фядосіка, Мінск 1976.
- Д: В.И. Даль, *Пословицы русского народа*, М. 2005.
- Ж: А.М. Жигулёв, *Русские народные пословицы и поговорки*, М. 1965.
- КС: У.А. Касько, *Палескі дзіваці: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скрабніцы А.К. Сержпутоўскага*, Мінск 2005.
- КЗ: Т.Г. Казаченок, *Крылатые латинские изречения*, Мінск 1993.
- МН: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, *Большой словарь русских пословиц*, М. 2010.
- Н: Е.Ю. Нещименко, *Русские пословицы и поговорки*, М. 2002.
- ЯН: Ф. Янкоўскі, *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*, Мінск 2004.
- ВВ: Н. Beyer, A. Beyer, *Sprichwörterlexikon*, Leipzig 1989.
- ВМ: V. Boggione, L. Massorbio, *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*, Torino 2007.
- РС: G. Paczoly, *European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*, Hobard 2002.
- С: К. Simrok, *Die deutschen Sprichwörter*, Basel 1881.
- SC: R. Schwamenthal, M.L. Straniero, *Dizionario dei proverbi italiani*, Milano 1999.
- W: K.F.W. Wander, *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde*, Leipzig 1867-1889.
- WT: Н. Walter, *Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen*, Greifswald 2013.

Библиография

- Абушенко 2001: В.Л. Абушенко, *Ценность*, в: А.А. Грицанов (под ред.), *Всемирная энциклопедия Философия*, М. 2001, с. 1200.
- Аверина 2005: С.Н. Аверина, *Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка*, Дис. канд. филол. наук (10.02.19), Краснодар 2005.
- Алпатов 2013: В.М. Алпатов, *Александр Евгеньевич Кибрик: от структурализма к новым идеям*, в: *Труды международного семинара “Диалог 2013” по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, 1, М. 2013, с. 17-26.
- Аникин 1996: В.П. Аникин, *Теория фольклора*, М. 1996.
- Арутюнова 1999: Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, М. 1999.
- Баева 2004: Л.В. Баева, *Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология мира*, Астрахань 2004.
- Барли 1984: Н. Барли, *Структурный подход к пословице и максиме*, в: *Паремно-логические исследования*, М. 1984, с. 127-148.
- Большаков 2000: В.П. Большаков, *Культура как форма человечности*, Великий Новгород 2000.
- Вайрих 1987: Х. Вайрих, *Лингвистика лжи*, перевод Н. Португалова, в: В.В. Петров (под ред.), *Язык и моделирование социального взаимодействия*, М. 1987, с. 44-88.
- Выготский 1996: Л.С. Выготский, *Педагогическая психология*, М. 1996.
- Выжлецов 2000: Г.П. Выжлецов, *Аксиология культуры в системе культурфилософского знания*, “Вестник Новгородского государственного университета”, XVI, 2000, с. 32-36.
- Ефимов, Таланов 2010: В.И. Ефимов, В.М. Таланов, *Общечеловеческие ценности*, М. 2010, <<http://www.rae.ru/monographs/97-3260>>.
- Зевахина 2002: Т.С. Зевахина, *Метафора мёртвая и живая*, в: *Труды международного семинара “Диалог 2002”*, 1, М. 2002, с. 154-162, <<http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/year=2002&vol=22724&id=7316>>.
- Иванова 2006: Е.В. Иванова, *Мир в английских и русских пословицах*, СПб. 2006.
- Кокаре 1978: Э.Я. Кокаре, *Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках*, Рига 1978.
- Міхневіч 1976: А.Я. Міхневіч, *Проблемы семантика-синтаксичнага даследавання беларускай мовы*, Мінск 1976.

- Ничипорчик 2007: Е.В. Ничипорчик, *От пословицы к антипословице: обесценились ли ценности?*, в: С.Б. Кураш, В.Ф. Русецкий (под ред.), *Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов: в 2 ч., I*, Мозырь 2007, с. 87-90.
- Ничипорчик 2010: Е.В. Ничипорчик, *Дискурс → текст → дискурс → текст ... (паремический текст как фиксированный результат дискурсивного процесса)*, в: М. Aleksiejenko, H. Walter (под ред.), *Słowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmach naukowych*, Szczecin, Greifswald 2010, с. 413-421.
- Пермяков 1975: Г.А. Пермяков, *К вопросу о структуре паремнологического фонда*, в: *Типологические исследования по фольклору, Сб. статей памяти В.Я. Пропта*, М. 1975, с. 247-274.
- Пермяков 1978: Г.А. Пермяков, *О смысловой структуре пословичных речений*, в: *Паремнологический сборник*, М. 1978, с. 105-135.
- Попова, Стернин 2007: З.Д. Попова, И.А. Стернин, *Когнитивная лингвистика*, М. 2007 (= "Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия").
- Потебня 1990: А.А. Потебня, *Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка*, в: Он же, *Теоретическая поэтика*, М. 1990, с. 98-111.
- Савенкова 2002: Л.Б. Савенкова, *Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты*, Ростов-на-Дону 2002.
- Севостьянова 1998: Н.Г. Севостьянова, *Общечеловеческие ценности*, в: А.А. Грицанов (под ред.), *Новейший философский словарь*, Минск 1998, с. 484.
- Селиверстова 2005: Е.И. Селиверстова, *Как "собрать" пословицу: некоторые средства и способы*, в: *Грани слова, Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко*, М. 2005, с. 135-142.
- Черкасский 1978: М.А. Черкасский, *Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы)*, в: *Паремнологический сборник*, М. 1978, с. 35-52.
- Федосова 2009: И.В. Федосова, *Проблема ценностных ориентаций в научной литературе*, "Ценности и смыслы", 2009, 2, с. 75-92.
- Arthaber 1995: A. Arthaber, *Dizionario comparato di Proverbi e modi proverbiali in sette lingue*, Milano 1995.
- Boggione 2007: V. Boggione, *Lògos, dialogo, letteratura*, в: V. Boggione, L. Massorbio, *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*, Torino 2007, с. XXIII-XLVIII.

- Franceschi 2007: T. Franceschi, *La formula proverbiale*, в: V. Boggione, L. Massorbio, *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*, Torino 2007, с. IX-XXII.
- Krikmann 1974: A. Krikmann, *On Denotative Indefiniteness of Proverbs*, Tallin 1974.
- Mieder 1993: W. Mieder, *Proverb Are Never out of Fashion. Popular Wisdom in the Modern Age*, New York 1993.
- Obelkevich 1994: J. Obelkevich, *Proverbs and Social History*, в: W. Mieder (под ред.), *Wise Words. Essays on the Proverb*, New York 1994, с. 211-252.

Abstract

Elena V. Ničiporčik

“Better To Die Than...”. About Paradoxes of Preference in Paremiological Pictures of the World

The author of the article raises the problem of the search for proof of the existence of unity in the value consciousness of the representatives of different ethnoses. Proverbs, the particular features of which are to reflect the value positions of their producers and to be a distinctive instrument in forming the value consciousness of members of society, can act as factual basis for solving the problem. The analysis of proverbs in different languages with the notion of the inverted preference reveals the identity of producers' valuable positions of the given proverbial expressions. This identity is established on the basis of coincidence of the categories acting as provokants of inverted preference as well as on the ground of concurrence of axiological meaningfulness of these categories in the proverbial spaces and “zones” of the conflicts of evaluative meanings. The conflict of assessment connected with comprehension of one or another category being observed in each of the proverbial funds is defined as the sign of invariant essence of values.

Keywords

Values; Proverbs; Structure; Meaning; Attitude; Preference; Cognithemes; Culture; Ethnos.